

Ключевые слова

М. П. Рахманова, Государственный институт искусствознания, воспоминания, история русской музыки.

Зверева С. Г.

Марина Рахманова: какой я ее запомнила

Мемориальный очерк о многолетней сотруднице Государственного института искусствознания, докторе искусствоведения Марине Павловне Рахмановой (1947–2022).

Key Words

M. P. Rakhmanova, State Institute for Art Studies, memories, history of Russian music.

Svetlana Zvereva

Marina Rakhmanova, As I Have Remembered Her

A commemorative essay dedicated to the long-term member of the research staff of the State Institute for Art Studies, Doctor of Science Marina Pavlovna Rakhmanova (1947–2022).

Не могу назвать ни одного столь ярко и стремительно летевшего по музыковедческому небосводу автора, который мог бы сравниться с Мариной Павловной Рахмановой. В ее внезапную кончину, которая произошла 19 июля 2022 года, невозможно было поверить, хотя и было известно, что она страдала тяжелым недугом. Марина как бы предчувствовала свою кончину, рассказывая о кончине любимого отца и невольно примеряя диагноз его смерти к себе. Отец Марины — Павел Артемьевич Рахманов, умер от инсульта в 1978 году в возрасте 69 лет. Марина умерла от той же болезни в 75 лет. Ее предчувствия, к сожалению, оправдались.

Марина говорила, что была схожа по характеру с отцом, часто цитировала его остроумные высказывания. Павел Артемьевич служил в ВЦСПС, а дед Марины по отцу происходил из деревни Губин Угол под Кимрами и был сапожником. Может быть, отсюда и любовь Марины к деревне, где она по-настоящему отдыхала душой. Деревенский дом с усадьбой во Владимирской области был любимым местом отдыха всех членов семьи.

Мне выпало счастье находиться в тесном и постоянном контакте с Мариной с 1986 года, то есть со времени ее появления на Секторе музыки народов СССР (ныне Сектор истории музыки) Государственного института искусствознания, и до начала нынешнего века, когда мне пришлось уехать из Москвы. Мы подружились очень быстро, хотя Марина была старше и намного опытней: в момент нашей встречи я была начинающим исследователем, а она — уже опытной журналисткой. В годы дружбы я испытала очень большое влияние Марины, которая была необычайно притягательной личностью — остро мыслящей, располагающей блистательным литературным даром и способностью видеть по-новому привычное. Она была очень раскованной, обаятельной, умеющей прекрасно ладить с людьми, но в то же самое время не боявшейся осложнять отношения, если речь шла о принципиальных моментах. У нее была способность давать точные и остроумные характеристики людям и их работам — будь то музыковедческие труды или музыкальные композиции. Пора-

жали невероятная работоспособность Марины, ее продуктивность и неиссякаемая энергия.

Однажды она мне сказала, что задумала наводить порядок в своей библиотеке и бумагах, и обнаружила несметное количество собственных публикаций, которым потеряла счет. Действительно, писала Марина очень много и азартно. Копаться в деталях не любила, но при этом быстро схватывала суть. На общепринятые подходы и концепции не ориентировалась, писала всегда по-своему; скупала от исследований теоретических, да и исторические работы, в которых отсутствовали проблески таланта авторов, всерьез не воспринимала. Хотя очень терпимо относилась к молодым исследователям, поддерживала авторов из провинции. С коллегами более статусными отношения не всегда простыми. Она остро чувствовала, мертвый текст или живой, конъюнктурный или искренний. Если текст не нравился — говорила об этом на обсуждениях открыто, невзирая на лица. Разумеется, не всем это нравилось, и не все коллеги ее любили.

Вообще в академической и чинной среде нашего сектора, где царил торжественный «имперский» стиль и где главенствовали музыковеды старшего поколения, Марина довольно резко выделялась своей «несистемностью»¹. Имею в виду не только раскованный стиль ее письма, но и поведения, которое несло на себе отпечаток журналистской среды. Журнализм стиля и мышления, умение писать быстро и ярко, способность молниеносно видеть и реализовывать интересные перспективные темы у нее была уникальной. Стремле-

¹ В маленьком Мраморном зале нашего института, где проходили заседания Сектора музыки, сотрудники рассаживались следующим образом: за столом сидел заведующий сектора, секретарь, приглашаемый из зала сотрудник, работа которого обсуждалась, и ее рецензенты. (Таковых обычно было 2 или 3 человека.) Все остальные сидели в зале в соответствии со статусом. На первом ряду — старейшие сотрудники Ю.В. Келдыш и О.Е. Левашева, которые были большими друзьями. Молодежь — аспиранты, младшие научные сотрудники и научно-технические сотрудники (таковые еще были на моей памяти) — сидели на последнем ряду. Перед заседанием молодежь первым делом шли здороваться к бабушке и дедушке, как мы называли Ольгу Евгеньевну и Юрия Всеволодовича. Поначалу Марина в нашем укладе чувствовала себя не очень комфортно, но стариков она любила и церемониалу покорялась. Потом, по мере ухода из жизни старшего поколения, все стало гораздо свободней и демократичней.

тельно расширялся и круг ее общения: интересные и симпатичные ей люди очень быстро оказывались в ее орбите. Казалось бы, не было в нашей музыковедческой среде музыковеда, которого бы она не знала. Хотя, разумеется, симпатизировала и пускала в свой круг она далеко не всех.

Марина успевала очень много читать. Наверное, не ошибусь, если скажу, что самым любимым кругом ее чтения была мемуаристика, эпистолярная литература, дневники. Успевала она следить и за новинками художественной литературы. Были для нее также притягательными работы искусствоведов, архитектуроведов, театроведов. Благо, работа в Государственном институте искусствознания, делившемся на сектора, отделы, рабочие группы по различным видам искусства, позволяла включаться в работу различных подразделений. Марина этой возможностью широко пользовалась, свидетельством чему служит ряд ее публикаций в междисциплинарных трудах².

Продвижение Марины по служебной лестнице было стремительным: придя в штат института в 1987 году, она тогда же защитила

² Глава «Образ бытия в художественной картине мира Н.А. Римского-Корсакова» // Русская художественная культура второй половины XIX века Картина мира». Сборник. Отв. ред. Г.Ю. Стернин. М.: 1991. С. 227-257.

кандидатскую диссертацию по теме «Истоки оперных концепций Мусоргского», став старшим, а вскоре и ведущим научным сотрудником еще до защиты докторской диссертации. Руководителем Марины номинально была Л.З. Корабельникова, которая и представила ее Ю.В. Келдышу, оказавшему Марине протекцию для поступления в институт. Научные взгляды Юрия Всеволодовича и Марины далеко не всегда сходились, но он ценил ее талант и оригинальность³.

В то время «русская группа» Сектора музыки народов СССР, в которой под руководством Ю.В. Келдыша трудились Л.З. Корабельникова, О.Е. Левашева, А.Г. Соколова, Е.М. Левашев, Т.В. Корженьянец и я, работала над новой 10-томной «Историей русской музыки». Шла подготовка томов, посвященных второй половине XIX века, и на Марину возлагалась обязанность написать главы, посвященные Н.А. Римскому-Корсакову, что и было ею с честью выполнено. Тексты о Римском-Корсакове были оформлены в виде монографии⁴, и совокупность посвященных этому композитору работ была защищена Мариной в качестве докторской диссертации⁵. Ее неоднократно просили расширить и переиздать опубликованную крохотным тиражом книгу, но она на уговоры не поддавалась — выплеснув все, что «накипело на душе» о Римского-Корсакове, она уже торопилась к другим темам.

Как я уже сказала, пришла Марина в институт очень опытным автором, проработавшей чуть ли не два десятилетия в единствен-

3 Приведем отзыв Ю.В. Келдыша на написанную Мариной в 1986 году для институтского сборника статью «Александр Блок слушает “Хованщину”»: «Статья очень интересная, содержит много нового материала. Содержание шире заглавия статьи: в центре — проблема восприятия творчества Мусоргского современниками и творческой интеллигенцией начала XX века. У Блока много интересных, тонких наблюдений, не сказать, что он раскрыл самую “сердцевину” “Хованщины” все-таки нельзя. Неверно сближение Мусоргского с движением “почвенников”: сближение с народом понималось ими не в социальном, а в нравственном плане. Нельзя так сближать Мусоргского с Голенищевым-Кутузовым: в зрелом периоде творчества последний уходит в сторону символизма, а его оценка “Хованщины” очень односторонняя. Нельзя отрывать Мусоргского от линии демократического русского искусства. Кроме всего прочего, интерес к раскольничеству был характерен для демократов. Возможна и такая статья в сборнике, но в моей статье будет дана иная трактовка творчества Мусоргского». (Протокол № 5 заседания Сектора музыки народов СССР. 5 февраля 1986 г. Архив ГИИ.)

4 *Рахманова М.П.* Николай Андреевич Римский-Корсаков. М.: РАМ им. Гнесиных, 1995. 240 с.

5 *Рахманова М.П.* Творчество Н.А. Римского-Корсакова: опыт современного осмысления. Науч. докл. на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения. М.: 1997.

ном в то время «толстом» журнале «Советская музыка». Первая ее статья в этом издании, вышедшая в свет в 1968 году когда Марине был 21 год, была посвящена творчеству молодого композитора Геннадия Банщикова⁶. Русская музыка 1960–1970-х годов была ей очень близка, и она очень хорошо в ней разбиралась. Будучи женой талантливого композитора Юрия Марковича Буцко (1938–2015), Марина с молодых лет находилась в композиторской среде. В круг друзей Юрия Марковича входили также и актеры театра на Таганке, среди которых были Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин. Часто бывали в доме Марины Павловны и Юрия Марковича и многие коллеги-музыковеды, которые с благодарностью вспоминают то душевное тепло, которое дарили по-старомосковски хлебосольные хозяева.

В свою очередь Ю.М. Буцко входил в ближний круг Г.В. Свиридова, с которым, разумеется, была знакома и Марина. Свидетельством ее лично интереса к национальной теме, столь захватившей в то время молодое поколение, стала ее работа 1977 года, посвященная А.Д. Кастальскому, сопровождавшаяся публикацией его статьи «Из воспоминаний о последних годах»⁷. В то время еще никто так современно и «свободомысленно», как бы предвещая постсоветские времена, не писал о Кастальском как о духовном композиторе.

Общим семейным увлечением были старообрядчество и народная культура. Это было поколение не только «Архипелага ГУЛАГ», но и «Черных досок» Владимира Солоухина, увлекавшего своих читателей интересом к истокам национальной и церковной культуры. Марина рассказывала о том, что и она, и Юрий Маркович на какое-то время стали прихожанами Покровского старообрядческого собора в Рогожской слободе. Позднее Марина перешла в единоверчество, посещала маленький храм на Таганке, иногда пела там на клиросе. В этой церкви и прошло ее отпевание...

Старообрядческое церковное пение, насколько мне известно, Марина не исследовала, зато не раз писала о знатоке крюков, иконописце и этнографе Якове Богатенко, арестованном в 1941 году и скончавшемся в тюрьме⁸. Писала она и о народных духовных сти-

⁶ Рахманова М.П. Обращение к человеку // Советская музыка. 1968. № 9. С. 62–66.

⁷ А. Кастальский. Из воспоминаний о последних годах // Советская музыка. 1977. № 6. С. 107–112.

⁸ См., например: Рахманова М.П. Сохраненное богатство // Музыкальная академия. 1993. № 4. С. 138–151.

хах: это был самый первый ее доклад, который я от нее слышала в Ленинграде на «Невских хоровых ассамблеях» еще в 1981 году⁹.

Тема духовной музыки Синодальной церкви расцвела в ее музыкальном творчестве вскоре после перестройки, а точнее — после празднований 1000-летия Крещения Руси в 1988 году. На нас тогда обрушился целый поток духовных концертов, в которых принимали участие светские и церковные хоры. На один из таких больших концертов, состоявшихся в 1989 году, мы написали рецензию вместе с Мариной¹⁰. Точнее, написала я, но слишком академически-научно-образно, а потому Марина отредактировала мой текст, сделав его более интимным по тону. Вообще она была виртуозным редактором, и я очень ей благодарна за ту школу, которую от нее получила. Даже приобретя опыт и, как казалось, найдя баланс между академизмом и свободой, я старалась показать свои тексты Марине и она безотказно уделяла им внимание. Оно касалось не только стиля изложения: часто мы обсуждали и более серьезные смысловые проблемы, и я всегда знала, что лучшие советы и понимание я найду именно в Марине.

Нужно сказать, что и Марина, попав на Сектор, старалась в коллективных трудах писать более академично, дабы ее тексты не выбивались из общего контекста. Тем не менее, ее почерк всегда отличался индивидуальностью — можно было, не зная автора статьи, узнать ее тексты. Она настолько сближалась со своими персонажами, что частенько называла их по имени-отчеству, без фамилии, как будто какой-нибудь Степан Васильевич или Модест Петрович был ее близким знакомым и, разумеется, современником. Марина как бы разговаривала с читателями, порой изливая в своих работах устную речь.

Работы Марины читались, как беллетристика — настолько пластичным и красивым был язык изложения. Мысли неслись быстро, непринужденно. В этой связи вспоминаю один ее совет: «Летать быстро легче, чем медленно». О форме, целях-задачах, выводах и т.д., как и прописывании мелочей, она мало заботилась, и придинок рецензентов порой бывало немало. Как-то она сказала мне, что самое главное для нее — это жить интересно. Я могу добавить — и интересно писать. Она написала тысячи километров интересных текстов,

⁹ Материалы всероссийской научно-практической конференции «Прошлое и настоящее русской хоровой культуры», Ленинград, 18–24 мая 1981 г. / Всероссийский фестиваль «Невские хоровые ассамблеи». М.: ВХО, 1984.

¹⁰ На концертах русской духовной музыки // Советская музыка. 1989. № 4. С. 47–52.

проживая вместе со своими героями их жизни. А среди ее героев были большие и малые музыканты, давно умершие и современные.

Иногда авторы молодого поколения, попавшие под обаяния Марины, начинали подражать ее стилю. Разумеется, ничего хорошего из этого не выходило: чтобы писать так, как она, нужен был и ее талант, а он был уникальным.

Я с трудом представляю себе судьбу проекта серии книг «Русская духовная музыка в документах и материалах», которая начала выходить в свет в 1998 году и в настоящее время уже подходит к последним томам. Этот проект был задуман мной тогда, когда на рубеже 1980–1990-х годов с диктофоном руках я ходила по московским и ленинградским коммуналкам, записывая рассказы стариков и старушек о церковном пении. В начале 1990-х я подготовила первый том этого издания, посвященный А.В. Преображенскому. (Вводная статья была написана Ю.В. Келдышем.) Но уже прошедшая редакторскую подготовку книга в силу финансовых трудностей, а затем и смерти Ю.В. Келдыша так и не была издана. Ко второму тому, где были собраны редкие материалы по истории Синодального училища церковного пения и Синодального хора, уже присоединилась Марина и спасла положение, найдя финансирование и издателя.

В основу этого тома (он стал первым по счету из изданных томов) были положены воспоминания бывшего участника Синодального хора, полковника в отставке А.П. Смирнова, которому в то время уже перевалило за 90 и который жил в соседнем с нашим институтом доме. В течение нескольких лет я ходила к «полковнику Смирнову» и записывала от него воспоминания. Таким образом, в наших руках оказались многочисленные кассеты. Вручил нам Александр Петрович и свои собственные написанные им воспоминания, написанные сбивчиво и сумбурно. И тут опять на выручку пришла Марина. Прослушав пленки с записями Смирнова, она пересказала его воспоминания в свободной литературной форме, ориентируясь на письменный текст. Я была поражена тем, как она, не отступая от смысла, очень близко к стилю Смирнова передала его воспоминания. Осилила она и практически не читаемый и, как мне казалось, недоступный для расшифровки почерк князя С.Д. Шереметева, подготовив целый раздел его переписки с С.В. Смоленским в 1-й книге VI тома РДМ.

Вообще она была великим мастером издания литературных текстов и в последующие годы блистательно подготовила отдельные разделы во многих коллективных томах нашего проекта, выпустив также два тома solo (РДМ. Т. VI, кн. 1 и 2; Т. IX, кн. 1). Однако «сольные» тома были скорее исключением: Марина предпочитала со-

вместную работу либо со мной, либо с молодыми авторами, которые сами были не в силах довести до печатного станка подготовленные ими литературные тексты и исследования. Так, совместно с Н.И. Кабановой были изданы «Воспоминания С.В. Смоленского (РДМ, Т. IV); совместно с Е.А. Борисовец — материалы «Афонского дневника» того же С.В. Смоленского (РДМ, Т. VII). Постоянным участником наших томов был и до сих пор остается великолепный знаток источников и фактологии А.А. Наумов.

К сожалению, Марина так и не успела довести до конца IX том серии, посвященный второй половине XX века, который я завершаю с грустным чувством, что последний раз работаю «в четыре руки» с Мариной и что это наш последний совместный труд.

Главы в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» и отдельные ее тома — это лишь малая часть трудов Марины, хотя нужно признать, что со временем духовная тема затянула ее очень глубоко. И все-таки большая часть работ Марины посвящена светской музыке. О том, каков был «разброс» тем, пишет О.А. Бобрин:

В 2007 году среди героев работ Марины Павловны неожиданно появился авангардист Арсений Авраамов: под ее редакцией была опубликована книга «Арс Новый», автор которой, писатель и музыковед Сергей Румянцев, не успел

ее завершить. <...> В музыке особенно близкими ей были (насколько мне известно): Гектор Берлиоз, Рихард Вагнер, Сергей Прокофьев и, конечно, Николай Римский-Корсаков. «Парсифаль» и «Китеж». В них она чувствовала «духовную сосредоточенность», отблеск другого мира, «достигавший света и откровения». И, конечно, особенно близкий – Юрий Маркович Буцко (1938–2015), композитор, супруг Марины Павловны. После его ухода из жизни она вместе с дочерью – Анастасией Буцко – основала Фонд Юрия Буцко, участвовала в организации масштабного фестиваля, посвященного его музыке (2018). Сейчас к печати подготовлена книга его памяти «Юрий Буцко: свидетельства жизни», которая выйдет в издательстве «Композитор»¹¹.

В последние годы жизни Марина работала также над собранием литературных источников, связанных с биографией и творчеством Н.А. Римском-Корсакове, к которому она вновь вернулась по прошествии нескольких десятилетий. Однако этот труд так и не был завершен.

Марина была по-настоящему крупной и яркой «планетой» в нашей музыковедческой галактике, и когда эта «планета» потухла, то всем стало холодно и неуютно. Марина перешла в жизнь вечную, но осталась светлая память о ней и ее богатейшие творческие плоды, которые нам еще надлежит собрать и осмыслить.

¹¹ Бобрик О. В поиске духовной сосредоточенности. Памяти Марины Павловны Рахмановой // URL: <https://muzlifemagazine.ru/v-poiske-dukhovnoy-sosredotochennosti/> Записанное Игорем Вишневецким от М.П. Рахминовой большое интервью о Ю.М. Буцко можно видеть на этой ссылке: <https://youtu.be/HeY4qXC1FQU?si=iS2yy9b9p2aU-JkL> (дата обращения 22.04.2024).